

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Казанцева О. А.* Сандиякское городище — памятник раннего Средневековья бассейна Камы7
- Захаров С. В.* Каменный жезл с человеческой личиной из погребения в курганный группе Майское V27
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Социальная планиграфия некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай).....44

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бичеев Б. А., Тюмидова М. Е.* Ойратский текст «Руководство к практике Прибежища» (психотехника визуализации объектов поклонения)59
- Кубаев С. Ш.* Появление и развитие отопительных систем на территории Узбекистана73
- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Держатель силы». Мухомор в чукотской культуре84
- Аюпов Т. М.* Генеалогические предания — ценный источник изучения кыргызско-башкирских историко-культурных связей 110

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Головнев Г. А.* Амбивалентное отношение к «внешнему» миру нового религиозного движения «Свидетели Иеговы»122
- Набиев Р. А., Ибрагимов М. И.* Понятие блага в авраамических религиях в контексте социального служения134
- Слезин А. А.* Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений147

ДЛЯ АВТОРОВ163

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

Kazantseva O. A. Sandiyak hillfort is a monument of the early middle ages of the Kama basin.....	7
Zakharov S. V. Stone rod with a human mask from a burial in the Mayskoye V burial mound group	27
Seregin N. N., Matrenin S. S. Social planigraphy of the preturkic period necropolis of Choburak-I (Northern Altai).....	44

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Bicheev B. A., Tyumidova M. E.</i> The oirat text, “A guide to refuge practice” (psychotechnic technique of visualization of objects of worship)	59
<i>Kubaev S. Sh.</i> Emergence and development of heating systems on the territory of Uzbekistan	73
<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> ‘Holder of strength’. Muskrat in Chukotka culture.....	84
<i>Ayupov T. M.</i> Genealogical legends are a valuable source for studying the historical and cultural ties of Kyrgyz-Bashkir	110

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Golovnev G. A.</i> Ambivalent attitude to ‘the world’ in the organization Jehovah’s Witnesses	122
<i>Nabiev R. A., Ibragimov M. I.</i> The concept of good in abrahamic religions in the context of social service.....	134
<i>Slezin A. A.</i> Introducing new rituals in the Russian village of the 1920s as a factor in the evolution of the relationship between peasant generations.....	147
FOR AUTHORS	163

УДК 902/904

DOI 10.14258/nreur(2023)4–03

Н. Н. Серегин, С. С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

СОЦИАЛЬНАЯ ПЛАНИГРАФИЯ НЕКРОПОЛЯ ПРЕДТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ ЧОБУРАК-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена социальной интерпретации особенностей внутренней планировки некрополя предтюркского времени Чобурак-I. Данный могильник локализован в составе разновременного комплекса, расположенного на правом берегу Катуня, близ с. Еланда в Чемальском районе Республики Алтай. Он включает 12 непотревоженных курганов, которые были раскопаны археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи. Установлено, что большинство элементов планиграфии исследованного памятника отражают универсалии погребальной практики населения булан-кобинской культуры Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. К таковым относятся размещение курганов на небольшом участке несколькими плотными рядами, вытянутыми по меридиональному направлению со значительным отклонением, отдельная локализация могил мужчин и женщин. Выявлено отсутствие влияния возрастного фактора на локализацию погребений взрослых людей обоего пола. Показательной характеристикой некрополя выступает расположение захоронений мужчин с разным прижизненным социальным статусом в рамках трех отдельных групп курганов.

Ключевые слова: Алтай, некрополь, планиграфия, социальная история, предтюркское время, погребальный обряд.

Для цитирования:

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная планиграфия некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 4. С. 44–58. DOI 10.14258/nreur(2023)4–03.

N. N. Seregin, S. S. Matrenin

Altai State University, Barnaul (Russia)

SOCIAL PLANIGRAPHY OF THE PRETURKIC PERIOD NECROPOLIS OF CHOBURAK-I (NORTHERN ALTAI)

The article is devoted to the social interpretation of the features of the internal layout of the pre-Turkic period necropolis of Choburak-I. This burial ground is localized as part of a multi-temporal complex situated on the right bank of the Katun river, near the Elanda village, in the Chemal region of the Altai Republic. It includes 12 undisturbed mounds that were excavated by an archaeological expedition from Altai State University under the guidance of one of the authors of the article. It has been established that most of the elements of planigraphy of the studied site reflect the universals of the burial practice of the population of the Bulan-Koby culture of Altai in the last quarter of the 1st millennium BC — first half of the 1st millennium AD. These include placing mounds in a small area in several dense rows, elongated in the meridional direction with a significant deviation, separate location of the graves of men and women, and compact location of burials of people with similar social status. It was revealed that there was no influence of the age factor on the location of the burials of adults of both sexes. An indicative characteristic of the necropolis is the location of burials of men with different lifetime social status throughout their lifetime within three separate groups of mounds.

Keywords: Altai, necropolis, planigraphy, social history, pre-Turkic period, funeral rite.

For citation:

Seregin N. N., Matrenin S. S. Social planigraphy of the pre-turkic period necropolis of Choburak-I (Northern Altai). Nations and religions of Eurasia. 2023. Vol. 28. No 4. P. 44–58. DOI 10.14258/nreur(2023)4–03.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru; ORCID 0000–0002–8051–7127. **Матренин Сергей Сергеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** matrenins@mail.ru; ORCID 0000–0001–7752–2470.

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University; Barnaul city (Russia).

Contact address: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID 0000–0002–8051–7127.

Matrenin Sergei Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia of Altai State University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** matrenins@mail.ru; ORCID 0000–0001–7752–2470.

Введение

Выбор места под захоронение представляет собой важный элемент погребального обряда, реализация которого у древних и средневековых обществ напрямую зависела от религиозных представлений, специфики хозяйственной деятельности, социального статуса умершего, обстоятельств смерти, прагматических соображений и некоторых других факторов [Шульга, 1989: 41–44; Кирюшин, Тишкин, 1997: 56; Серегин, Матренин, 2016: 12–23]. Выявление закономерностей пространственной организации некрополей, отражающих отношение «живых» к «мертвым» в рамках конкретного социума, дает ценные сведения для реконструкции различных составляющих системы жизнеобеспечения населения прошлых эпох.

Опыт многочисленных археологических изысканий показывает, что при интерпретации планиграфии погребальных памятников необходимо учитывать несколько важных аспектов: во-первых, влияние характеристик ландшафта на пространственную структуру некрополей [Чернопицкий, 1980: 176–186]; во-вторых, соотношение генетической и мировоззренческой преемственности в восприятии могильного поля [Илюшин, 1992: 67]; в-третьих, особенности отражения половозрастной и социальной (в широком содержании этого понятия) стратификации населения в «горизонтальной стратиграфии» кладбища [Миняев, 1989: 114–117].

Общепринятое положение о том, что организация сакрального пространства некрополей демонстрирует реально существовавшие отношения между покойными, используется в качестве базового принципа метода социальной планиграфии. В настоящее время он успешно зарекомендовал себя при изучении погребальных памятников народов разных регионов, в том числе кочевников Центральной и Северной Азии раннего железного века [Kenk, 1984: 95–96; Миняев, 1985: 21–27; 1989: 114–117; 1998: 42–69; Савинов, 2005: 295–217; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018: 193–194; Серегин, Матренин, 2020: 114–115]. Применение обозначенного метода имеет большие перспективы в рамках реконструкции различных аспектов социальной истории населения Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. на основе массовых данных, полученных в результате раскопок могильников булан-кобинской культуры.

Социальная планиграфия некрополей Алтая II в. до н. э. — V в. н. э.: историографический обзор

На археологических материалах булан-кобинской культуры Алтая метод социальной планиграфии впервые апробировал В. Н. Елин [1991: 154] при анализе погребального комплекса жужанского времени (вторая половина IV — первая половина V в. н. э.) памятника Кок-Паш из восточной части обозначенного региона. Исследователь сделал заключение, что могилы людей привилегированных категорий располагались в непосредственной близости друг от друга, как бы обособленно от остальных объектов. Кроме того, археолог отметил, что зафиксированная на данном некрополе ситуация преобладания разных типов наземных и внутримогильных конструкций в рамках северного и южного участков кладбища могла быть результатом определенных этносоциальных процессов.

В работе Ю. С. Худякова, посвященной предварительной палеодемографической характеристике погребений хуннского времени (II в. до н. э. — I в. н. э.) могильника Усть-Эдиган (Северный Алтай), сформулирован вывод, что «наиболее богатые муж-

ские, женские и детские захоронения с золотыми украшениями сосредоточены в центральной части могильника. В северной и южной частях памятника сосредоточены погребения с бронзовыми украшениями. Бедные и безынвентарные могилы разбросаны по всей площади могильника чересполосно с остальными» [Худяков, 1994: 136]. Согласно мнению исследователя, «мужские» и «женские» курганы находились совместно в центральной и южной зонах некрополя, при этом последние количественно преобладали на северном его участке, где захоронено несколько мужчин без оружия. Погребения детей совершены в основном на периферии памятника.

Информативные источники для использования планиграфического метода были получены Ю. Т. Мамадаковым в процессе раскопок могильника позднесяньбийского времени (вторая половина III — первая половина IV в. н. э.) Булан-Кобы-IV в Центральном Алтае. В кандидатской диссертации археолог установил последовательность совершения захоронений на основе обстоятельно документированных фактов пристройки наземных конструкций [Мамадаков, 1990]. В отдельной публикации Ю. Т. Мамадаков [1997: 160–161] рассмотрел проблему отражения общественных отношений в погребальном обряде, сделав вывод, что у «булан-кобинцев» дети хоронились обычно рядом с более ранними женскими могилами, и до определенного возраста были прямыми продолжателями конкретных семейно-родовых групп.

Данные о пространственной организации погребений одной из локальных групп носителей булан-кобинской культуры, оставившей могильник Кок-Паш, представлены в статье С. А. и А. С. Васютиных [1997]. Ключевые положения этой работы с некоторыми дополнениями и уточнениями получили отражение в отдельной книге [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003], а также в главе коллективной монографии [Васютин С. А., Васютин А. С., 2005]. На сравнительно небольшой серии захоронений авторы отметили, что могилы женщин составляли небольшие цепочки из 2–4 объектов с занимавшим в них центральное место наиболее «богатым» погребением. При этом цепочки обычно объединяли захоронения лиц близкого возраста и могли отражать формирование отношений по типу побратимства или возрастную дифференциацию. Погребения мужчин располагались хаотично, не фиксируя родственных или иных связей¹. Сложную планиграфию комплекса Кок-Паш ученые рассматривали как свидетельство параллельного проживания в долине Чулышмана двух лояльных групп кочевников, являвшихся семейно-клановыми объединениями, среди которых подчиненное общественное положение занимал социально-производственный коллектив (аил), хоронивший своих представителей на южном участке кладбища.

Внимания заслуживает анализ планиграфии некрополя Курайка из Юго-Восточного Алтая, результаты которого представлены в публикации Е. С. Богданова и О. И. Новиковой [2018: 229–233]. Используя данные о вскрытых объектах второй половины III–IV вв. н. э., археологи сделали вывод об отсутствии на данном комплексе ярко выраженной дифференциации (имущественной, профессиональной, половозрастной), которая бы нашла отражение в локализации захоронений на территории обозначенного комплекса.

¹ К большому сожалению, объективность приведенных наблюдений снижает обилие фактических расхождений в половозрастных определениях, а также в составе вещевых наборов многих захоронений в итоговой публикации комплекса Кок-Паш [Серегин, Матренин, 2020: 40–43].

Большое значение для понимания общих и специфических особенностей социальной истории населения булан-кобинской культуры Алтая в IV–V вв. н. э. имеет опыт междисциплинарного изучения погребального памятника Степушка (Центральный Алтай), полностью раскопанного экспедициями Алтайского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета. Анализ многочисленного корпуса археологических и антропологических источников, обобщенный в двух монографиях, позволил успешно реализовать планиграфический метод с демонстрацией полученных результатов в наглядной графической форме [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018: 165; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018: 193–194].

Приведенный обзор дает основания констатировать, что практика применения метода социальной планиграфии для реконструкции целостной картины процесса функционирования конкретных могильников Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. напрямую зависит от полноты исследования комплексов (в идеале памятник должен быть раскопан целиком или в крайнем случае на две трети). Ограничивающим фактором для эффективного использования обозначенного метода, как правило, является недостаточно представительная база качественного антропологического материала для осуществления различного рода анализов широким кругом специалистов. Кроме того, следует констатировать немногочисленность полностью введенных в научный оборот результатов раскопок значительной части некрополей булан-кобинской культуры, в том числе эталонных памятников.

Обозначенные обстоятельства определяют актуальность настоящей публикации, посвященной анализу пространственной организации некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I, являющегося одним из базовых памятников для изучения различных аспектов истории кочевников Северного Алтая предтюрокского времени.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, к югу от с. Еланда, на остепненной правобережной террасе Катуня (рис. 1).

В процессе археологических работ на этом памятнике Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь булан-кобинской археологической культуры, состоявший из 12 курганов. Данные объекты содержали захоронения, совершенные по нормам обрядности носителей дялянской традиции погребальной практики. Ее ключевыми элементами выступают: небольшая каменная насыпь с овальной выкладкой-крепидой; неглубокая и узкая яма; ингумация человека вытянуто на спине и ориентировка умершего головой в западный сектор горизонта, с отклонением к северу; сопроводительное захоронение лошади в «ногах» покойного [Серегин, Матренин, 2016: 161–162]. Во всех курганах находились непо потревоженные останки людей, среди которых идентифицированы семь мужчин, три женщины, один подросток и один ребенок². Все покойные были похоронены с многочисленным сопроводительным инвентарем.

² Определения пола и возраста умерших выполнены заведующей кабинетом антропологии АлтГУ кандидатом исторических наук С. С. Тур.

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Чобурак-1

Fig. 1. Location of the funeral and memorial complex Choburak-1

Результаты анализа предметных комплексов с учетом нижней границы появления наиболее поздних изделий предоставили основания для датировки рассматриваемого некрополя в рамках середины — второй половины IV в. н. э. Дополнительными аргументами для вывода о «коротком» (вероятно, менее 30 лет) интервале функционирования могильника с большой степенью вероятности следует считать небольшое ко-

личество захоронений, значительное единообразие погребального обряда и сохранившегося сопроводительного инвентаря (хотя и весьма вариабельного в категориальном отношении), а также зафиксированные случаи насильственной смерти мужчин вследствие использования оружия [Серегин и др., 2023]. Судя по имеющимся источникам, данный комплекс захоронений оставлен представителями местной элиты кочевников Северного Алтая предтюркского времени.

Анализ и интерпретация материалов

На территории разновременного погребально-поминального памятника Чобурак-I кладбище булан-кобинской культуры занимало небольшую площадку между самыми крупными курганами, относящимися к периоду энеолита и раннескифскому времени, которые хорошо выделялись на поверхности. Вариант выбора места для совершения захоронений на более древних кладбищах характерен для погребальной практики многих групп населения региона во II в. до н. э. — V в. н. э. [Соенов, 2003: 29–30; Серегин, Матренин, 2016: 12–13]. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с существовавшим у кочевников Алтая практически во все эпохи ритуалом «приобщения» своих покойных к могилам мифических предков. Следует подчеркнуть, что на памятнике Чобурак-I достоверно документирована редкая ситуация размещения в непосредственной близости с погребальными сооружениями позднего этапа булан-кобинской культуры ритуальных оградок раннесредневековых тюрков: округлых, относящихся, вероятно, ко второй половине V — первой половине VI в. н. э., и подквадратных, датирующихся второй половиной VI — первой половиной VII в. н. э.

Некрополь предтюркского времени состоял из двух параллельных рядов объектов, вытянутых по направлению юго-запад — северо-восток (рис. 2, 3). «Восточная» линия включала шесть насыпей (курганы № 29, 29а, 32, 32а, 33, 34). Внутри этого скопления сооружения находились вплотную друг к другу, а в трех случаях (курганы № 29, 29а, 33) они, вероятно, соприкасались полами. «Западный» ряд объединял также шесть объектов, образывавших две группы: курганы № 30, 30а (располагались в линию), № 38 (примыкал с северо-запада к кургану № 30); курганы № 31, 34а (выстроены в линию), № 31а (примыкал к западной поле кургана № 31).

Тесное расположение обозначенных объектов в рядах с высокой долей вероятности свидетельствует об их синхронности, а также может отражать определенную близость (родство, обстоятельства смерти, социальный статус) похороненных в них людей. Принимая во внимание разницу расстояний между насыпями, следует допустить, что более поздними являлись сооружения, выходившие за «прямую» линию. В «западном» ряду такими были курганы № 31а (позже курганов № 31 и 34а) и № 38 (позже курганов № 30 и 30а), а в «восточном» — курганы № 29 и 29а, примыкавшие к кургану № 33³.

³ Изучение многочисленных археологических материалов дает основания для предположения о том, что «булан-кобинцы» начинали сакральную организацию кладбища с разметки погребения исходя из ориентировки умершего человека головой по сторонам горизонта и с учетом направления восхода и захода солнца, а затем уже предполагали устройство прямого ряда захоронений в широтном направлении, к которому с севера и юга могли примыкать более поздние по времени объекты.

Рис. 2. Часть цепочки курганов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I
 Fig. 2. Part of the chain of mounds of the Bulan-Kobin culture of the monument Choburak-I

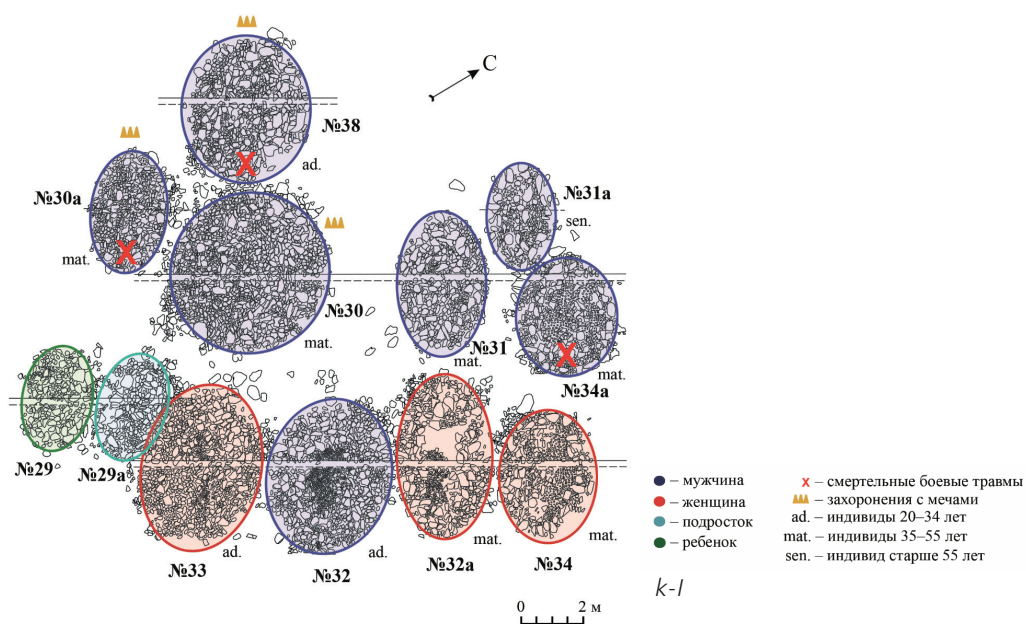

Рис. 3. Планиграфическая схема некрополя булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I
 Fig. 3. Planographic scheme of the necropolis of the Bulan-Kobin culture of the monument Choburak-I

Анализ вещественных и антропологических материалов позволяет сделать ряд выводов относительно особенностей размещения на памятнике Чобурак-I погребальных объектов булан-кобинской культуры, которые могли быть связаны с причинами социального характера (рис. 3).

Во-первых, захоронения взрослых людей разного пола демонстрируют тенденцию раздельной локализации на территории кладбища в рамках двух рядов курганов, среди которых «западная» линия (курганы № 30, 30а, 31, 31а, 34а, 38) состояла только из мужских могил. Все захоронения женщин (курганы № 33, 32а, 34), а также ребенка (курган № 29) и подростка (курган № 29а) входили в «восточный» ряд.

Во-вторых, погребения ребенка 9–11 лет (курган № 29) и подростка 13–15 лет (курган № 29а) размещались в непосредственной близости от самой молодой женщины 20–25 лет, похороненной в кургане № 33, и, судя по характеру стратиграфии (примыкали к насыпи), были совершены позднее.

В-третьих, могилы мужчин с одинаковым социальным статусом образуют две планиграфические группы внутри «западного» ряда сооружений. Одна из них (курганы № 30, 30а, 38) включает погребения с максимально «престижным» комплексом предметов вооружения, состоявшим из трех наборов: средства ведения дальнего боя (лук, железные наконечники стрел), короткоклинковое (нож) и длинноклинковое (меч) оружие, а также другой весьма многочисленный инвентарь (общее количество изделий варьировало от 35 до 76). Покойные имели разный возраст смерти: 25–30, 30–35 и 30–40 лет. При интерпретации обозначенных объектов важно подчеркнуть, что в обнаруженном инвентаре наиболее показательной категорией являлись мечи, которые «булан-кобинцы» помещали в могилы военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов, относящихся к привилегированному слою (элите) общества [Горбунов, 2006: 74; Серегин, Матренин, 2020: 39, 91, 93–94, 109, 110]. Судя по документированным в процессе раскопок наблюдениям, в данной группе курган № 30 с самой большой насыпью (6,2×5 м, высота до 0,5 м) мог быть возведен первым. Показательно, что на костях двух из трех индивидов обозначенной группы зафиксированы следы насильственной смерти, связанные с использованием оружия. Данное свидетельство с большой долей вероятности может указывать на синхронность захоронений в курганах № 38 и 30а⁴.

Вторая планиграфическая группа мужских захоронений (курганы № 31, 31а, 34а) отличается присутствием у покойных только одного набора предметов вооружения в виде лука и стрел с железными наконечниками, а также другого инвентаря (количество обнаруженных вещей составляло от 29 до 40). В возрастном отношении среди умерших встречаются индивиды 30–35, 40, а также старше 55 лет. При этом самый молодой мужчина из кургана № 34а был обезглавлен. Судя по имеющимся материалам, похожие по составу сопроводительного инвентаря погребения принадлежали представителям зажиточной прослойки «булан-кобинцев». В мирное время они являлись скотоводами и охотниками, а в военное — легковооруженными ополченцами [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018: 192; Серегин, Матренин, 2020: 96–97].

⁴ Отметим, что умерший мужчина из кургана № 30 был буквально усыпан стрелами с железными наконечниками, причем отдельные экземпляры зафиксированы в ситуациях, как будто они находились в теле человека.

В-четвертых, не понятны пока причины локализации захоронения мужчины 25–30 лет из кургана № 32 в центре «восточного» ряда погребальных объектов, между захоронениями женщин возмужалого и зрелого возраста. Судя по наличию с умершим оружия дальнего (лук и стрелы с железными наконечниками) и ближнего (боевой нож в ножках) боя, а также других многочисленных предметов (общее количество насчитывает 36 экземпляров), покойный имел социальный статус выше среднего — относился к зажиточной прослойке кочевников Северного Алтая и являлся профессиональным воином [Серегин, Матренин, 2020: 95].

В-пятых, малочисленность женских захоронений не позволяет выявить отражение социальной и возрастной дифференциации в их локализации на территории рассматриваемого комплекса. Правда, следует отметить, что курганы № 32а и 34, содержавшие похожие по облику украшения, в том числе достаточно редкие элементы головных уборов, были расположены в непосредственной близости друг от друга.

В-шестых, погребения мужчин с зафиксированными на скелетах следами насильственной смерти (курганы № 30а, 38, 34а) без следов заживления (это преимущественно резано-рубленые травмы, нанесенные мечом), относящиеся к разным социальным и планиграфическим группам, размещались на краях могильника.

В-седьмых, одним из дискуссионных аспектов в рамках социальной интерпретации материалов раскопок некрополей является соотнесение отдельных скоплений объектов, зафиксированных на площади некрополей, с конкретными институтами булан-кобинского общества. Важно подчеркнуть, что планировка могильника предтюрокского времени памятника Чобурак-I, как и других погребальных комплексов Алтая II в. до н. э. — V в. н. э., не отражает идеи организации пространства по типу кочевых стойбищ в рамках аильной или куренной моделей. В данном контексте важными представляются предварительные результаты антропологических и генетических исследований, согласно которым похороненные на могильнике Чобурак-I люди были близкими родственниками.

Заключение

Материалы полностью раскопанного некрополя булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I оказались информативным источником для реализации метода социальной планиграфии. Наиболее показательным является расположение захоронений мужчин с разным социальным статусом (особо отличившиеся профессиональные воины, относившиеся к привилегированному слою; зажиточный профессиональный воин; рядовые кочевники и охотники с высоким уровнем материального достатка) в рамках трех скоплений, два из которых входили в «западный» ряд объектов. Установлено отсутствие влияния возрастного фактора на локализацию погребений взрослых людей обоего пола. Документированы факты более позднего совершения могил ребенка и подростка в непосредственной близости от самой молодой женщины, похороненной в кургане № 33, а также расположения на краях некрополя мужчин, умерших насильственной смертью в ходе вооруженных конфликтов и при этом имевших разный социальный статус. Принимая во внимание «короткую» (не более 30 лет) хронологию рассматриваемого комплекса в рамках второй половины IV в. н. э. и достаточно монолитный обряд захоронения дялянской традиции, имеются основания для заключения о том, что кладбище было оставлено небольшим экзогамным

коллективом кочевников. Судя по зафиксированному сопроводительному инвентарю, включавшему социально престижные вещи (мечи, редкие категории украшений и снаряжения), «чобуракцы» составляли местную элиту населения Северного Алтая предтюрокского времени. Большинство элементов планиграфии исследованного памятника отражают универсалии погребальной практики населения булан-кобинской культуры Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э., в число которых входят размещение курганов на небольшом участке несколькими плотными рядами, вытянутыми по меридиональному направлению со значительным отклонением, раздельная локализация могил мужчин и женщин, компактное местонахождение захоронений людей с близким социальным статусом. Перспективным направлением изысканий в области социальной интерпретации рассматриваемого некрополя является детализация родственных связей между покойными, что станет частью дальнейшего междисциплинарного изучения материалов комплекса Чобурак-I в контексте этнокультурных процессов в регионе на рубеже эпох поздней древности и Средневековья.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023–0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Богданов Е. С., Новикова О. И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 229–233.

Васютин С. А., Васютин А. С. Социальная планиграфия предтюрокских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1997. С. 73–77.

Васютин С. А., Васютин А. С. Население Восточного Алтая в предтюрокское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутского техн. ун-та, 2005. С. 224–236.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Елин В. Н. Использование планиграфического метода для определения относительной хронологии памятников предтюрокского времени (на примере могильника Кок-Паш в Горном Алтае) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 153–155.

Илюшин А. М. Планиграфия могильника Пазырык // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. Вып. III. С. 67–68.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Мамадаков Ю. Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 159–161.

Миняев С. С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1989. Ч. I. С. 114–117.

Миняев С. С. К топографии курганных памятников сюнну // Краткие сообщения Института археологии. 1985. Вып. 184. С. 21–27.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб. : АзиатИКА, 1998. 233 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).

Савинов Д. Г. Кокэльский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутского техн. ун-та, 2005. С. 200–223.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. — XI в. н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. — XIV в. н. э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С., Тишкин А. А., Паршикова Т. С. Алтай в предтюрокское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.

Соенов В. И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Худяков Ю. С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 134–136.

Чернопицкий М. П. Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1980. С. 176–186.

Шульга П. И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово : Кузбассвузиздат, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel», Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 s.

REFERENCE

Bobrov V. V., Vasjutin A. S., Vasjutin S. A. *Vostochnyj Altaj v jepohu Velikogo pereselenija narodov (III–VII vv.)* [Eastern Altai in the Great Migration period (III–VII centuries)]. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 2003. 224 p. (in Russian).

Bogdanov E. S., Novikova O. I. K voprosu o kul'turnoj prinadlezhnosti mogil'nika Kurajka [On the question of the cultural affiliation of the Kuraika burial ground]. *Problemy arheologii, jetnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 2018. T. XXIV, pp. 229–233 (in Russian).

Chernopickij M. P. Kurgannaja gruppa kak arhitekturnyj ansambl' (opyt kompozicionno-hudozhestvennogo podhoda) [Kurgan group as an architectural ensemble (experience of compositional and artistic approach)]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo* [Scythian-Siberian cultural and historical unity]. Kemerovo: Kem. un-t, 1980, pp. 176–186 (in Russian).

Elin V. N. Ispol'zovanie planigraficheskogo metoda dlja opredelenija odnositel'noj hronologii pamjatnikov predtjurksskogo vremeni (na primere mogil'nika Kok-Pash v Gornom Altae) [Using the planigraphic method to determine the relative chronology of monuments of pre-Turkic times (using the example of the Kok-Pash burial ground in the Altai Mountains)] // *Problemy hronologii i periodizacii arheologicheskikh pamjatnikov Juzhnoj Sibiri* [Problems of chronology and periodization of archaeological sites of Southern Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1991, pp. 153–155. (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naselenija Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006, 232 p. (in Russian).

Hudjakov Ju. S. Paleodemograficheskie aspekty izuchenija mogil'nika Ust' — Jedigan [Paleodemographic aspects of studying the Ust-Edigan burial ground]. *Paleodemografija i migracionnye processy v Zapadnoj Sibiri v drevnosti i srednevekov'e* [Paleodemography and migration processes in Western Siberia in ancient times and the Middle Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994, pp. 134–136 (in Russian).

Iljushin A. M. Planigrafija mogil'nika Pazyryk [Planigraphy of the Pazyryk burial ground]. *Problemy sohraneniya, ispol'zovaniya i izuchenija pamjatnikov arheologii* [Problems of conservation, use and study of archaeological monuments]. Gorno-Altajsk, 1992. Vyp. III, pp. 67–68 (in Russian).

Kirjushin Ju. F., Tishkin A. A. *Skifskaja jepoha Gornogo Altaja. Ch. I: Kul'tura naselenija v ranneskifskoe vremja* [Scythian era of the Altai Mountains. Part I: Culture of the population in early Scythian period]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p. (in Russian).

Mamadakov Ju. T. *Kul'tura naselenija Central'nogo Altaja v pervoj polovine I tys. n. je.* [Culture of the population of Central Altai in the first half of the 1st millennium AD]: dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1990. 317 p. (in Russian).

Mamadakov Ju. T. Otrazhenie obshhestvennyh otnoshenij bulan-kobinskogo naselenija v detskikh pogrebenijah [Reflection of social relations of the Bulan-Koba population in children's burials]. *Social'no-jekonomicheskie struktury drevnih obshhestv Zapadnoj Sibiri* [Socio-

economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, pp. 159–161 (in Russian).

Minjaev S. S. “Social'naja planigrafija” pogrebal'nyh pamjatnikov sjunnu [“Social planigraphy” of funerary monuments of the Xiongnu]. *Problemy arheologii skifo-sibirskogo mira (social'naja struktura i obshhestvennye otnoshenija)* [Problems of archeology of the Scythian-Siberian world (social structure and social relations)]. Kemerovo: Kem. un-t, 1989. Ch. I, pp. 114–117 (in Russian).

Minjaev S. S. K topografii kurgannyh pamjatnikov sjunnu [On the topography of the burial mounds of the Xiongnu]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief communications from the Institute of Archeology]. 1985. no. 184, pp. 21–27 (in Russian).

Minjaev S. S. *Dyrestujskij mogil'nik* [Dyrestuisky burial ground]. SPb.: Aziatika, 1998. 233 s. (Arheologicheskie pamjatniki sjunnu. Vyp. 3) (in Russian).

Savinov D. G. Kokjel'skij mogil'nik v Tuve [Kokelsky burial ground in Tuva]. *Social'naja struktura rannih kochevnikov Evrazii* [Social structure of the early nomads of Eurasia]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. tehn. un-ta, 2005, pp. 200–223 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Pogrebal'nyj obrjad kochevnikov Altaja vo II v. do n. je. — XI v. n. je.* [Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century. BC. — XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 272 p. (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Social'naja istorija naselenija Altaja v jepohu kochevyh imperij (II v. do n. je. — XIV v. n. je.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC–XIV century AD): based on materials from archaeological complexes]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020. 268 p. (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S., Tishkin A. A., Parshikova T. S. *Altaj v predtjurkskoe vremja (po materialam arheologicheskogo kompleksa Choburak-I)* [Altai in pre-Turkic period (based on materials from the archaeological complex Choburak-I)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023. 432 p. (in Russian).

Soenov V. I. *Arheologicheskie pamjatniki Gornogo Altaja gunno-sarmatskoj jepohi (opisanie, sistematika, analiz)* [Archaeological monuments of the Altai Mountains of the Hunno-Sarmatian era (description, taxonomy, analysis)]. Gorno-Altajsk: GAGU, 2003. 160 p. (in Russian).

Soenov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V. *Mogil'nik Stepushka-2 v Central'nom Altaje* [Burial ground Stepushka-2 in Central Altai]. Gorno-Altajsk, 2018. 242 p. (in Russian).

Tishkin A. A., Matrenin S. S., Shmidt A. V. *Altaj v sjan'bijsko-zhuzhanskoe vremja (po materialam pamjatnika Stepushka)* [Altai in the Xyanbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka monument)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 368 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. K voprosu o planirovke mogil'nikov skifskogo vremeni na Altaje [On the issue of planning Scythian burial grounds in Altai]. *Problemy arheologii skifo-sibirskogo mira (social'naja struktura i obshhestvennye otnoshenija)* [Problems of archeology of the Scythian-Siberian world (social structure and social relations)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1989. Ch. II, pp. 41–44 (in Russian).

Vasjutin S. A., Vasjutin A. S. *Social'naja planigrafija predtjurkskih pogrebenij mogil'nika Kok-Pash iz Vostochnogo Altaja* [Social planigraphy of pre-Turkic burials of the Kok-Pash

burial ground from Eastern Altai]. *Social'naja organizacija i sociogenez pervobytnyh obshhestv: teorija, metodologija, interpretacija* [Social organization and sociogenesis of primitive societies: theory, methodology, interpretation]. Kemerovo: Kem. un-t, 1997, pp. 73–77 (in Russian).

Vasjutin S. A., Vasjutin A. S. Naselenie Vostochnogo Altaja v predtjurkskoe vremja [Population of Eastern Altai in pre-Turkic period]. *Social'naja struktura rannih kočevnikov Evrazii* [Social structure of the early nomads of Eurasia]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. tehn. un-ta, 2005, pp. 224–236 (in Russian).

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 12.08.2023

Принята к публикации: 25.11.2023

Дата публикации: 12.12.2023